Интервью / Interview

«Пятерка» Льва Выготского: интервью с некоторыми ее участниками

М. Коул, Калифорнийский университет в Сан-Диего, Ла-Холья, США
Н. Гайдамашко, Университет Саймона Фрезера, Канада

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Коул, М., Гайдамашко, Н. (2025). «Пятерка» Льва Выготского: интервью с некоторыми ее участниками. *Образовательная политика*, 20(1), 88–102.

© Коул М., Гайдамашко Н., 2025
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4 License.

Поступила: 10.01.2025
Принята: 10.01.2025
Дата публикации: 31.05.2025

Майкл КОУЛ
д. псих. н., профессор, Калифорнийский университет в Сан-Диего, Ла-Холья, США,
https://orcid.org/0000-0003-3055-8593,
e-mail: mcole@ucsd.edu

Наталия ГАЙДАМАШКО
д. псих. н., профессор, Университет Саймона Фрезера, Канада,
e-mail: natalia_gajdamaschko@sfu.ca

Вступление

В последние десятилетия стало обычным преуменьшать значение того, что Лев Выготский, Александр Лурия и Алексей Леонтьев составляли союз в стиле трех мушкетеров (Martins, 2013; Yasnitsky, van der Veer, 2016). Например, подзаголовок статьи Мартинса звучит так: «“Тройка” — существовала ли она вообще?». Чтобы ответить на этот вопрос, Мартинс опирается в основном на свидетельства Александра Лурии и Антона Ясницкого (Martins, 2013). Он приводит следующий отрывок из автобиографии Лурии:

«Когда Л. С. Выготский приехал в Москву, я продолжал исследования при помощи сопряженной моторной методики совместно с А. Н. Леонтьевым, в прошлом учеником Челпанова[1], с которым я сотрудничал всю дальнейшую жизнь. Мы с А. Н. Леонтьевым высоко ценили необычайные способности Л. С. Выготского и были очень рады, когда его включили в нашу рабочую группу, которую мы назвали “тройкой”. Вместе с Л. С. Выготским в качестве нашего признанного лидера мы предприняли критический обзор истории и современного состояния психологии. Наша грандиозная идея заключалась в создании нового научного подхода к человеческим психологическим процессам» (Luria, 1979).

Затем Мартинс обращается к Ясницкому, лидеру «ревизионистской революции»

1 Г. И. Челпанов (1982–1936) — философ, логик, психолог. Создатель Психологического института при Московском университете.

в изучении трудов Выготского. Ясницкий решительно возражал против версий, в которых «тройка» рассматривалась как источник единой психологической теории, основанной на концепции деятельности. Ясницкий (Yasnitsky, 2011) написал следующее о гипотетическом тесном сотрудничестве Выготского, Лурии и Леонтьева:

«Суть повествования — история встречи 1924 года в Москве трех основателей — Льва Выготского, Александра Лурии и Алексея Леонтьева — и образования первого союза — “тройки”. Затем пять первых студентов “триумвирата” сформировали второй союз, названный “пятеркой”. В него вошли: Александр Запорожец[2], Лидия Божович[3], Роза Левина[4], Наталья Морозова[5] и Лия Славина[6]».

Чтобы поставить под сомнение существование периода, когда Выготский, Лурия и Леонтьев работали как команда, Ясницкий указывает на отсутствие корпуса совместно написанных статей и на существование только одной публикации, соавторами которой были Выготский и Леонтьев. Он фокусируется на трех или четырех годах, когда произошел задокументированный спор между Выготским и Леонтьевым, чтобы опровергнуть идею «“истории тройки да пятерки” и интерпретации развития психологии Выготского в духе так называемой теории деятельности» А. Н. Леонтьева (Yasnitsky, 2011).

Ниже мы представляем интервью, проведенное в апреле 1977 года Майклом Коулом. Он поговорил с несколькими участниками «пятерки» об их раннем сотрудничестве со Львом Выготским, Александром Лурией и Алексеем Леонтьевым. Наша цель заключается не в том, чтобы утверждать, что существовала непрерывность сотрудничества вокруг единой теории, которая пережила Вторую мировую войну и последующий период сталинского авторитаризма. Скорее мы считаем, что интервью предоставляет аргументы в пользу существования во второй половине 1920-х альянса Льва Выготского, Александра Лурии, Алексея Леонтьева и «пятерки», участники которой прошли войну.

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х АЛЬЯНСА ЛЬВА ВЫГОТСКОГО, АЛЕКСАНДРА ЛУРИИ, АЛЕКСЕЯ ЛЕОНТЬЕВА И «ПЯТЕРКИ»

Контекст интервью

С середины 1970-х до примерно 1990 года и распада СССР Майкл Коул представлял американскую психологию в официальных академических обменах между Американским советом ученых обществ, Межвузовской программой исследований и обмена и Академией наук СССР. Эти обязанности дали ему возможность заниматься собственными интересами в области трудов Лурии, в то время связанными с публикацией англоязычного издания автобиографии Александра Романовича.

В отрывке из этой автобиографии, не приведенном ни Мартинсом, ни Ясницким, Александр Лурия упоминает как коллаборацию, включающую в себя Льва Выготского и Алексея Леонтьева, так и происхождение «пятерки»:

«Когда началась работа, мы трое — Выготский, Леонтьев и я — встречались в квартире Льва Семеновича один или

2 А. В. Запорожец (1905–1981) — д. пед. н., психолог. Разрабатывал вопросы общей и детской психологии, психологии сенсорных процессов и движения; внес вклад в психологическую теорию деятельности.

3 Л. И. Божович (1908–1981) — д. псих. н. Основной круг ее интересов составляла детская психология.

4 Р. Е. Левина (1908–1989) — педагог, психолог. Основоположник советской логопедии как самостоятельной науки.

5 Н. Г. Морозова (1906–1989) — д. пед. н., психолог, дефектолог. Автор более 160 научных работ по проблемам психологии, общей педагогики и дефектологии.

6 Л. С. Славина (1906–1988) — к. псих. н., психолог. Один из ведущих ученых в области психологии формирования личности ребенка.

два раза в неделю, чтобы планировать исследования, необходимые для разработки его идей. Мы рассматривали каждую из основных концепций когнитивной психологии — восприятие, память, внимание, речь, решение проблем и двигательную активность. В каждой из этих областей нам нужно было придумать новые экспериментальные установки, которые бы включали представление о том, что по мере формирования высших процессов вся структура поведения изменяется.

В это время я занимал пост заведующего лабораторией психологии в Институте коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. Привлекая студентов университета, я организовал студенческий психологический кружок, в котором мы обсуждали идеи Л. С. Выготского. Все студенты и коллеги Л. С. Выготского приняли участие в изобретении экспериментальных моделей для анализа "инструментального" поведения» (Luria, 1979).

Из интереса к истории описываемых альянсов Майкл спросил Александра Лурию, возможно ли собрать группу для коллективного интервью, чтобы услышать рассказы об их опыте.

Александр Романович счел идею интересной и организовал встречу с чаем и беседой в своей квартире, расположенной около Кремля. А один из участников группы — Алексей Леонтьев — пригласил Майкла к себе домой на ужин. Майкл записал разговор на магнитофон и много лет хранил пленку в своем офисе. В 1984 году Майкл сделал для копию записи для Василия Давыдова, но впоследствии не смог найти оригинал и думал, что он был уничтожен, когда офис затопило ливнем. Однако, кажется, Майкл забыл, что в 1987 году он отправил копию пленки швейцарскому психологу Александру Метро, который также интересовался работой Александра Лурии. Метро нашел ленту и после оцифровки отправил ее Майклу. К счастью, сохранившаяся часть записи предоставляет богатую картину ранних дней «пятерки» и ее отношений со Львом Выготским, Александром Лурией и Алексеем Леонтьевым. Мы приглашаем читателя ознакомиться с ее содержанием. Возможно, была и вторая лента, но если это так, то она еще не стала достоянием общественности.

Интервью

Даниил Эльконин: Я его [Выготского] наиболее поздний ученик. Я познакомился со Львом Семеновичем в 1928 году, будучи еще студентом, на Поведенческом съезде в Ленинграде. Я знал все его труды, но, собственно, начал работать под его руководством и вместе с ним в 1930 году, еще при жизни профессора Михаила Яковлевича Басова[7].

Льва Семеновича пригласили читать лекции в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена *(далее ЛГПИ)*. Это еще было до вашего отъезда в Харьков[8]. В Институте было специальное, так называемое педологическое, отделение, где психологи и педагоги готовили специалистов и где я работал. Это было через три года после окончания[9].

Майкл Коул: И вы были учеником Басова?

Даниил Эльконин: Я с Басовым был очень тесно связан, хотя непосредственно в группу его учеников не входил. Я работал в одной из консультаций в детской профилактической амбулатории на Октябрьской железной дороге. А когда появился Лев Семенович, то ему понадобился ассистент, и Михаил Яковлевич вспомнил обо мне. И тогда меня пригласили работать в Институт Герцена, и я начал сотрудничать со Львом Семеновичем.

Вплоть до смерти в 1931 году Михаила Яковлевича Басова эти поездки были чисто лекционными. То есть Выготский приезжал и читал лекции по детской психологии, а я ассистировал ему и вел семинарские

7 Михаил Яковлевич Басов (1892–1931) — один из основателей отечественной психологии, педологии, педагогической психологии, психологии личности. Специалист в области общей психологии и методов психологического исследования.

8 По-видимому, имеется в виду приглашение Александра Лурии, Алексея Леонтьева и других соратников Льва Выготского заняться научной работой в Харькове в начале 1930-х.

9 Даниил Борисович Эльконин в 1927 году окончил педологическое отделение педагогического факультета ЛГПИ.

занятия после него. После смерти Михаила Яковлевича Басова — а он умер тоже очень молодым — Льва Семеновича пригласили на кафедру не только для чтения лекций, но и для руководства аспирантами и дипломантами, словом, для более серьезной работы. И он стал появляться систематически. Он приезжал в Ленинград почти ежемесячно на 7–10 дней — читал лекции, проводил консультации со студентами, с аспирантами и так далее. Я был его помощником. А когда он уезжал на три недели, я делал все остальное: вел семинарские занятия, консультации и так далее.

Мне кажется, этот период времени для Льва Семеновича характерен тем, что он приступил к исследованию каких-то… Ну, проблема развития высших психических функций тогда уже была более или менее разработана, основные вещи были уже сделаны; тогда уже была написана книга «История развития высших психических функций» и статья «Орудие и знак в развитии ребенка». И тогда в Ленинграде развернулись экспериментальные работы, связанные с проблемами обучения и развития и роли различных видов деятельности для развития.

Может быть, отчасти я не знаю, какое влияние здесь оказали работы Михаила Яковлевича Басова, который интересовался проблемой деятельности. Мне трудно об этом судить.

Александр Лурия: Они очень доброжелательно относились друг к другу.

Даниил Эльконин: Они очень хорошо друг к другу относились. Михаил Яковлевич Басов его [Выготского] очень уважал. И вот тогда начался целый ряд исследований и по проблемам обучения и развития, и по проблемам игры. Из этих исследований можно упомянуть следующие. Во-первых, у него была аспирантка Жозефина Ильинична Шиф[10], сделавшая тогда в Ленинграде работу по развитию научных и житейских понятий. Затем у него была аспирантка Танечка Конникова[11], сделавшая до сих пор не опубликованную работу по автономной речи. И затем я сделал работу по сравнительному анализу устной и письменной речи у школьников, которая никогда не публиковалась и которую я защищал уже в 1941 году.

Кроме того, шли большие дипломные работы, в которых тоже решались проблемы грамматики и развития, математики и развития, — они отчасти были отражены в опубликованном сборнике. Мне кажется, что в ленинградский период — или, во всяком случае, мои связи со Львом Семеновичем в этот период, — главным образом сосредотачивались на этих работах.

Кроме того, мы тогда со Львом Семеновичем начали большую серию работ по игре, которая уже продолжалась и после его смерти. В 1931 году меня назначили благодаря Льву Семеновичу — он об этом, так сказать, ходатайствовал — заместителем директора по научной части этого громадного Российского педологического института. И так продолжались эти работы.

Ольга Наумовна Варшавская, погибшая во время войны в Ленинграде, сделала работу по переносу значения с одного предмета на другой, в пандан к тому, что делалось Натальей Григорьевной [Морозовой] раньше, но в контексте игровой деятельности, в целях раскрытия ее природы. Были также исследования Гершензон по правилу в игре, по взятию на себя ребенком роли в игре. К сожалению, эти работы нигде не были опубликованы.

Там была довольно большая группа, в которую входили Гершензон, Фрадкина, Варшавская, Талебанов, Шиф, Конникова. Всех я уже не помню. Я выступал в качестве организатора и консультанта в отсутствие Льва Семеновича, а после его смерти — в качестве человека, объединяющего всю эту работу. Фрадкина начала тогда делать работу по генезису игровой деятельности, но заканчивала она ее уже под руководством

10 Жозефина Ильинична Шиф (1904–1978) — советский ученый-психолог, д. пед. н., профессор. Автор свыше 80 работ по специальной психологии.

11 Татьяна Ефимовна Конникова (1907–1975) — д. пед. н., профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории нравственного воспитания кафедры общей педагогики ЛГПИ им. А. И. Герцена в 1960–70-е гг.

Алексея Николаевича [Леонтьева], когда он начал приезжать в Ленинград уже после постановления ЦК о педологических извращениях. Это было в 1937 году, и тогда уже меня он пригласил работать к себе в Академию воспитания, которую перевели, и тогда была сделана эта работа Фрадкиной. Одновременно в Харькове Луковым [12] была сделана работа по осознанию речи.

Так что мои связи со Львом Семеновичем центрировались на проблемах обучения и развития и всех вопросах, связанных с возрастной, в собственном смысле этого слова, психологией.

Майкл Коул: Даниил Борисович, а во время войны вы что делали?

Даниил Эльконин: Воевал, дорогой товарищ!

Майк Коул: *(удивленно)* Да?

Даниил Эльконин: Да! Я не только во время войны, а и после нее еще восемь лет воевал. Я в 1941 году пошел добровольцем на фронт. Отвоевал четыре года на Ленинградском фронте. После этого меня держали в армии еще восемь лет. Я освободился только в 1953 году. Но после войны я уже принимал участие в этих работах — ну, на каких-то птичьих правах. А после Владимир Александрович [Вагнер] дал мне полставки уже в Москве.

Александр Лурия: Что ты мог бы сказать об отношении Выготского к Вагнеру?

Даниил Эльконин: Об отношении Выготского к Вагнеру я могу сказать только следующее. Лев Семенович относился к Владимиру Александровичу не только с глубокой симпатией, но и с чрезвычайным уважением. Он вообще считал его основоположником сравнительной психологии в мире. Очень часто у него бывал и познакомил даже меня с ним. Хотя я Вагнера знал как студент, потому что он нам читал сравнительную психологию. Лев Семенович у него бывал. Вагнер тогда жил в своей квартире в Чернышевом переулке на территории Коммерческого училища. В этом училище у него был совершенно исключительный кабинет, в котором он работал с 30-х годов.

Александр Лурия: Существует несколько очень нежных писем Выготского к Вагнеру.

Даниил Эльконин: Он очень нежно и уважительно к нему относился. Я однажды был с ним у Вагнера, они говорили о судьбах психологии. И тогда Владимир Александрович сказал: «Ну, Лев Семенович, знаете, психология нынче развивается, как многоножка, на периферии». Потому что тогда в центре — в Ленинграде — царило господство павловских рефлексологических точек зрения. А он был противником Павлова, о чем неоднократно заявлял публично. Это, естественно, создало для него не слишком благоприятную атмосферу.

Александр Лурия: Я думаю, что если искать корни Льва Семеновича, то одна группа корней — это философия: Спиноза, марксизм…

Даниил Эльконин: Ивановский [13], о котором он всегда говорил.

Александр Лурия: Вторая группа корней — это Вагнер. А третья группа корней — это Александр Афанасьевич Потебня, вот эти самые все лингвистические теории…

Даниил Эльконин: Густав Шпет [14] и так далее.

Наталья Морозова: Ну, и связи по линии искусства. Эйзенштейн.

Лидия Божович: Ну, это уже побочные.

Мужской голос: Ну, это неизвестно, кто на кого там влиял.

Майкл Коул: В смысле? Выготский влиял на Эйзенштейна?

Александр Лурия: В смысле мировоззрения психологического — я думаю, что в значительной степени, по-моему, влиял, да.

Наталья Морозова: По-моему, Лев Семенович трактовал Эйзенштейна.

Мужской голос: Да.

Александр Лурия: Но ранние корни, конечно, лежат в его ранних учителях.

12 Григорий Демьянович Луков (1910–1968) — советский психолог, ученик Алексея Николаевича Леонтьева. В составе харьковской группы развивал психологические исследования детской игры.

13 Владимир Николаевич Ивановский (1867–1939) — философ, психолог и педагог, представитель логико-гносеологического направления в российской философской культуре.

14 Густав Густавович Шпет (1879–1937) — философ, психолог, теоретик искусства, переводчик философской и художественной литературы, педагог.

Даниил Эльконин: Еще интересно, что, наверное, больше нигде он не прочел курс детской собственной возрастной психологии систематически.

Лидия Божович: А где же он прочел педологию?

Даниил Эльконин: Он прочел педологию в Московском медицинском институте. Введение. Это семь лекций. Но там же нет возрастов, это только общие вопросы.

Лидия Божович: И общие вопросы развития!

Александр Лурия: Знаешь, это все входит в четвертый том, который мы подготовили.

Лидия Божович: Это вы никогда не издадите! Уже сколько лет прошло!

Даниил Эльконин: А вот у нас в институте он прочел систематический курс возрастной психологии. Он был вообще совершенно блестящим лектором! Весь Ленинград ходил слушать его лекции. И в этот период он, по-видимому, задумал вот эту книгу. Ну, возрастную психологию. И он собственной рукой написал туда две главы: это «Проблема возраста» и совершенно изумительная «Младенческий возраст». И они не опубликованы.

Женский голос: Прости, Даня, а в каком отношении находятся задуманные работы к тем заочным изданиям по педологии младшего школьного возраста, педологии подростка? Вы знаете эти работы?

Майкл Коул: Я знаю, что одна из них печаталась, кажется.

Женский голос: Они все напечатаны, но только на правах рукописи.

Александр Лурия: Их легче напечатать было.

Даниил Эльконин: Просто это еще было до ленинградского периода, потому что «Педология младшего школьника» вышла в 1929 году, а «Педология подростка», если мне не изменяет память, в 1931 году. Мне вообще кажется, что Лев Семенович интересовался детством и его развитием всегда. Это был какой-то неослабевающий интерес — сначала с точки зрения генеза, а затем уже и по существу. Потому что вся проблема развития этой системной смысловой структуры сознания — оно все шло оттуда, от детства.

Все эти идеи о системном строении сознания, его развитии, о новообразованиях, о том, как разные функции играют разную роль и имеют ведущее там значение, вот эти все проблемы, связанные с обучением и развитием, развитие игры, развитие… переходов от одного периода к другому, кризисов и так далее, — все эти идеи, я бы сказал так, формировались на моих глазах.

Александр Лурия: Это, я надеюсь, будет напечатано в целом большом томе.

Даниил Эльконин: Да?

Александр Лурия: Посмотрим…

Женский голос: В каком томе, который будет напечатан в Советском Союзе? Дай бог.

Женский голос 2: А вот огромный кусок его исследований по конкретной психологии в психологическом институте, по разбору детей…

Александр Лурия: Ну это уже пропало!

Женский голос: Что пропало?

Александр Лурия: Разборы его.

СОХРАНИВШАЯСЯ ЧАСТЬ ЗАПИСИ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ БОГАТУЮ КАРТИНУ РАННИХ ДНЕЙ «ПЯТЕРКИ»

Даниил Борисович Эльконин извиняется, потому что ему надо на другую встречу, и покидает компанию.

Лидия Божович: Я очень плохо как раз вспоминаю ранний период и даже, к стыду своему, не могу вспомнить его содержательно. Только метод, только замысел, только какие-то эксперименты по подражанию. Хотя, вообще говоря, было сделано это еще когда мы были студентами на 3 и 4 курсе. И долго у меня лежала эта рукопись. Но сейчас я даже не могу точно сказать, что, собственно, там было добыто.

Александр Лурия: А идея была в том, что обезьяны не умеют обезьянничать.

Лидия Божович: Да, точно. Что вообще для подражания необходим какой-то уровень понимания, интеллектуальной деятельности. И шло это обычно методом двойной стимуляции. Сажали двух детей разного

возраста рядом, и затем предлагали им, как всегда, задачу на память. Маленький мог смотреть у большого, что и как тот делает. И вот наблюдалось, каким же образом младший ребенок использует опыт более старшего.

Наталья Морозова или Роза Левина: Основная мысль, как мне сейчас помнится, состоит в том, что подражание всегда рассматривалось как способ обучения или какого-то усвоения опыта, но само подражание не являлось предметом исследования.

Александр Лурия: То есть это подражание как средство.

Наталья Морозова или Роза Левина: Да, оно само явилось предметом исследования как история развития подражания. Первоначально механически, затем появилось какое-то смысловое [наполнение], затем более обобщенное заимствование тех частей подражаемого содержания, которое мог усвоить ребенок. Вот эта мысль мне кажется очень важной.

Майкл Коул: Мне показалось, что ваша идея подражания очень близка понятию зоны ближайшего развития.

Александр Лурия: Это по-другому.

Майкл Коул: Но то, что они связаны…

Женский голос: Это понятно, они должны быть связаны.

Майкл Коул: Мне кажется, что после этого очень мало было хороших работ по этой теме. А почему так получилось? Идея, как мне кажется, очень хорошая, но работ по этой теме все-таки очень мало.

Наталья Морозова: Сейчас очень нужно работать. Ну, и мы в своем исследовании сейчас в дефектологии встречаемся с необходимостью изучить подражание и конкретно зону ближайшего развития. Потому что у Льва Семеновича это дано в общем плане. То, что ребенок может сделать с чьей-то помощью, становится потом уже зоной актуального развития, когда он начинает это делать самостоятельно. Но как он к этому приходит, на каком этапе, как осуществляется переход — это все не исследовано…

Александр Лурия: Это разбросанные мысли.

Наталья Морозова: Да, в устах всех, кто с ним соприкасался. И вот я только сейчас аспирантке, которая занята педагогическими методами изучения аномального ребенка, поручаю исследовать зону ближайшего развития в ее конкретном воплощении при педагогическом эксперименте.

Майкл Коул: Мне казалось, что здесь есть целый ряд неопубликованных опытов.

Лидия Божович: Возможно, но вообще надо сказать, что, может быть, дальнейшие идеи относительно теории Льва Семеновича о зоне ближайшего развития…

Наталья Морозова или Роза Левина: Кстати, это не была идея Льва Семеновича — о зоне ближайшего развития.

Александр Лурия: Что ты говоришь?

Наталья Морозова или Роза Левина: Лев Семенович сам говорил, что о зоне ближайшего развития он прочитал у итальянского какого-то… Он все вычитывал. Вероятно, терминологически было общее, но мы до сих пор же не имеем…

Александр Лурия: Нет, но Майкл правильно говорит, что много делалось и мало печаталось. Конечно, не потому, что не было бумаги, не было возможностей у типографии, а потому, что установка была на создание людей, исследователей.

Лидия Божович: Ну, у меня не было установки на создание людей. Это, может, у вас было.

Наталья Морозова или Роза Левина: Мы были тогда материалом. Мы считали, что это какие-то элементы большого здания будущего.

Майкл Коул: Ага! Так?

Женский голос: Мы считали, что это и преждевременно. Мы даже считали, что это не имеет самостоятельной ценности, что это еще полуфабрикат.

Женский голос 2: Нет, мы действительно были еще очень молодыми и очень неопытными, но все же мы были на третьем курсе. Мы делали эти эксперименты, чтобы увидеть, чтобы попробовать…

Александр Лурия: А дальше уже сил не хватало превратить это во что-то систематическое.

Наталья Морозова: И не было установки.

Лидия Божович: То есть вообще оказалось, что мы выступаем скорее как

руки, чем как достаточно законченные исследователи. Я думаю, что ни по времени, ни экспериментально работа по теме зоны ближайшего развития с подражанием не связана, но возможно, что какие-то идеи общие у Льва Семеновича тогда появились.

Наталья Морозова или Роза Левина: Лев Семенович всегда подчеркивал, насколько я помню, что есть умные и глупые подражания. Вот это было на устах у всех у нас. Мы между собой всегда, когда видели где-нибудь в жизни какой-то факт, то говорили: «Вот глупый».

Александр Лурия: «Умное» — это значит выделение существенного.

Наталья Морозова или Роза Левина: «Умное» движет развитие. Значит, есть подражание и подражание…

Майкл Коул: Но это, мне кажется, все-таки очень сложная такая тема и довольно далеко от тем теории личности. И это довольно далеко от тех мыслей Выготского, которые я прочел. Это все-таки сложновато. Неправильно?

Лидия Божович: Это я скажу. Я хочу только еще на раннем периоде остановиться. Вот после того, как мы делали это совсем еще, можно сказать, детьми — студентами первых курсов, после этого я тоже ездила, конечно, как полагается, работать в другой город, и когда мы оттуда вернулись, то стоял очень остро вопрос о том, как же и где можно объединить усилия всех нас. Чтобы мы могли работать совместно, чтобы можно было построить такую лабораторию, где каждый бы нашел себе место. Так как в Москве это было совершенно невозможно сделать, то возникла идея переезда в Харьков, где мы имели возможность получить целый сектор.

Александр Лурия: Психоневрологическая академия.

Лидия Божович: Да. Психоневрологическая академия. Должны были переехать Лев Семенович, Александр Романович, Алексей Николаевич и мы. Но Лев Семенович не переехал. Он все-таки ездил туда систематически консультировать, а вот Александр Романович, Александр Владимирович, Алексей Николаевич и мы переехали туда. Лично я тогда получила письмо от Льва Семеновича, где он пишет, что «это когда-нибудь запишется в ваши научные биографии». Действительно, мы уехали туда и там работали, побросав все здесь. А у меня как раз родился ребенок недавно, а я бросила семью и уехала в Харьков работать.

Ну вот, мы в Харькове уже как-то заняли позицию, какую-то линию исследования, уже не так непосредственно связанную с тем, что в это время делал Лев Семенович. Может быть, ты, Александр Владимирович, об этом подробнее расскажешь. Мы тогда очень много занимались практическим интеллектом, и речевыми формами интеллекта, и переходом. Так сказать, в значительной степени повторяли опыты Кёлера на младенцах по использованию орудия.

Александр Лурия: Отношение «удлиненной руки» к настоящему орудию.

Лидия Божович: Орудие — это во-первых, а во-вторых — переход от чистых зрительных связей к умению уловить механические связи. И отсюда — проблема переноса интеллектуальных операций из одной ситуации в другую. Проблематика такая здесь была.

Майкл Коул: Успешно получилось?

Лидия Божович: По-моему, интересно получилось, но я не считаю, что это был какой-то период, который потом пошел в дальнейшую мою работу.

Майкл Коул: Там ничего печатного из этой работы тоже не получилось?

Лидия Божович: Нет, были кое-какие напечатаны работы. Я потом делала работу о соотношении житейских и научных понятий, но несколько в ином плане, чем это было сделано у Шиф под непосредственным руководством Льва Семеновича. Я интересовалась процессом усвоения научных понятий и отношением этого процесса к тому, чем ребенок уже владеет к моменту, когда он начинает усваивать соответствующие научные понятия. Я построила эксперимент как-то почти наивно. То есть я брала, скажем, закон Архимеда, закон давления, и делала очень простую вещь. Участвовали ребята, еще не проходившие этот закон, но уже готовые к его прохождению. Хотя я брала несколько

срезов возрастных. Я спрашивала: «Вот, скажем, эта ложечка. Как ты думаешь, она поплывет или утонет?». Ну, и ребята отвечали на основании своего житейского опыта, так сказать. А потом, значит, им давался соответствующий урок физики, так что они его прекрасно усваивали и очень хорошо могли иллюстрировать на примерах.

А затем я снова их возвращала к этой же самой ситуации и смотрела, что же перестроилось. И вот эта работа, я считаю, и была первой или основной, которая как-то положила начало тому интересу, что уже потом развивался самостоятельно, хотя, как мне кажется, абсолютно в русле идей Льва Семеновича Выготского, и я скажу почему. Кроме того, что совершенно было ясно, что у ребенка до того, как он начинает овладевать соответствующими научными понятиями, есть достаточно ориентирующие его в практике и достаточно правильно позволяющие ему действовать житейские понятия. Ни один ребенок, начиная с дошкольного возраста, не ошибался, какая ложечка поплывет и какая утонет. Какое-то вообще неосознаваемое интуитивное знание удельного веса у них существовало.

И вот, я обнаружила, что у некоторых детей можно очень легко вызвать недоумение, когда их ставишь перед фактом, что они дают объяснение, а оно, оказывается, не работает по отношению к другому предмету. То есть, если ребенок может увидеть противоречие в своих собственных суждениях, то в результате этого у него возникает вопрос: «В чем же дело? Тогда объясните мне». Если объяснение падает на вот такого рода потребность, то тогда он, возвращаясь обратно к той же самой ситуации, прекрасно решает этот вопрос на основании научных понятий. Если этот вопрос, т. е. потребность, у него не возникает, то вообще ничего, так сказать, не происходит. У него эти знания остаются инкапсулированными. Он их к жизни не прикладывает. Они формально у него живут. Он может точно вспомнить, но его взгляд на мир не меняется. Вот так я бы сказала. А вы помните, Александр Романович, как мы спрашивали о законе давления, и они очень точно его формулировали и показывали, что здесь имеет значение соотношение веса и площади, и даже приводили пример, что вот танк давит на единицу площади гораздо меньше, чем человек? Тогда мы наивно спрашивали у этих ребят: «А почему же получается, что человек встанет на собаку — не раздавит, а танк наедет — раздавит?». Один ученик ответил так: «А физика к собаке никакого отношения не имеет».

Отсюда у меня возник интерес вообще к проблемам потребностей, пошли исследования мотивационной сферы, развитие потребностной сферы. И у меня именно по линии того, что делал Лев Семенович, возникли идеи относительно того, что, по-видимому, то же, что происходит в познавательных процессах — вот такое опосредствование, возникновение новых функциональных систем, — происходит и в потребностной сфере. Что потребности тоже опосредствуются и тоже превращаются в новые функциональные системы. То есть идет культурное развитие потребностей и чувств, так же как идет культурное развитие познавательных процессов. И более того, я пришла к выводу, что развитие познавательных процессов будет неполным, если мы не учтем, что в новые познавательные системы включается аффективный момент.

И уже после этого я в некоторых материалах из архива Льва Семеновича нашла, что он тоже к этому стал подходить. То есть встреча аффекта и интеллекта для него стала основной проблемой. И превращение чувств, так сказать, из эмоциональных, элементарных в более высшие, функциональные системы — это составляло для него...

Майкл Коул: Поэтому он возвратился к Спинозе?

Александр Лурия: Он начал со Спинозы и кончил Спинозой.

Лидия Божович: Правильно. Ну, я об этом больше более подробно не буду рассказывать, но, если хотите, я могу вам передать статью.

Наталья Морозова: Интерес в познавательных процессах только тогда включается, когда начинается переживание, чувство радости познания.

Майкл Коул: Я очень хотел бы об этом поговорить, потому что мне лично это кажется очень интересным.

Лидия Божович: Видите ли, во втором номере «Вопросов психологии» будет опубликована статья, где я пишу про культурно-историческое развитие психики[15]. Там я это очень подробно обосновываю. Но меня очень рано, вообще все время, даже когда был инструментальный, так сказать, период, метод двойной стимуляции, опосредствование… Меня все время ужасно мучил вопрос, мне ужасно интересно было знать: ну, хорошо, вот кто-то завязывает узелок, и мы понимаем операционную сторону этого процесса. Вот память превращается в опосредствованную. Но кто это делает? И зачем?

Льва Семеновича немного раздражал этот вопрос. А потом у нас состоялся очень подробный разговор, и он сказал, что надо научиться научно делать то, что умеют делать художники в области литературы, другими средствами и то, что вас интересует. К этому надо подойти. И если бы я думал, что то, чем мы занимаемся, это и есть вся психология, то я бы перестал ею заниматься!

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЛЬВА ВЫГОТСКОГО И ЕГО КОЛЛЕГ ВСЕ ЕЩЕ АКТУАЛЬНА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ РАЗВИТИЯ ОСОБОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К МИРОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

Так что у него тоже сейчас перечитываю некоторые вещи уже пристрастно в этом смысле. Я все время нахожу эту идею, что высшие проблемы — это личность, высшая проблема — это личность, и какое место там занимает система эмоций и потребностей, как формируются функциональные системы, и так далее. А сейчас я как раз почти непосредственно подошла к попытке понять волю как некоторое функциональное образование, именно составляющее какой-то этап развития, культурного развития потребностей.

Майкл Коул: Значит, проблемы Пьера в «Войне и мире» остаются по-прежнему?

Лидия Божович: *(смеется)* Ну, да, да.

Александр Запорожец: Для вас была бы интересна, так сказать, какая-то общая атмосфера, что особенно как-то остро переживалась мною, потому что я ведь поступил в университет на физико-математический факультет. Потом я услышал лекции по психологии видного в свое время, великолепного популяризатора — Константина Николаевича Корнилова[16].

Александр Лурия: Корнилов вообще-то всегда первокурсников и привлекал.

Майкл Коул: Я должен сказать, что на меня произвел очень большое впечатление и Павлов.

Александр Запорожец: Павлов, конечно, величина более крупная.

Майкл Коул: Все-таки простые схемы всегда увлекают сначала, потому что можно кое-что там понимать.

Александр Запорожец: В то время на смену субъективно-менталистской психологии, которая раньше господствовала в университете, пришли направления отечественного бихевиоризма, с одной стороны, а с другой стороны — реактология, которая представляла собой смесь бихевиоризма со старыми субъективными эмпирическими представлениями, которые меня и, по-видимому, моих товарищей все больше и больше разочаровывали. Потому что надежды на то, что перед нами откроется душевный мир человека, законы его образования, — все эти грезы разрушились. Потому что за общими фразами, когда переходили к исследованию, кроме реакций нажимания на кнопки ничего не получалось.

Майкл Коул: Там душа не появлялась?

Александр Запорожец: Там душа не появлялась. Впервые я услышал во Втором МГУ лекцию Льва Семеновича, которая

15 Божович, Л. И. (1977). Концепция культурно-исторического развития психики и ее перспективы. *Вопросы психологии*, 2, 29.

16 Константин Николаевич Корнилов (1879–1957) — психолог, профессор МГУ, академик Академии педагогических наук РСФСР. В 1923–1930 гг. — директор Института психологии.

меня, как и всех нас, совершенно потрясла. И потрясла не только потому, что, как товарищи говорили, он изумительный был оратор и в логически стройной системе и эмоционально-выразительной форме излагал мысли. Но и потому, что перед нами открылся совершенно новый мир. Понимаешь, что возможности какие-то подходят к этим высшим психическим функциям человеческого мышления, человеческому аффекту, законам их образования и так далее. В общем, он как-то сразу нас пленил.

Лидия Божович: Покорил!

Александр Запорожец: И мы, так сказать, с пылом юных лет, вместе, всей «пятеркой»… Ну, вот сколько лет уже прошло? Скоро полстолетия будет! В общем, вначале мы только охали-ахали по этому поводу, но тут пришел на помощь наш дорогой Александр Романович. Он набрался окаянства и организовал семинар по пиктограмме, который и сделал нас людьми, психологами, потому что мы научились исследовать, анализировать материал. Мы по гроб жизни ему обязаны.

Затем он взял меня с последнего курса своим лаборантом в Академию комвоспитания. Все мы перекантовывались туда, в эту сторону. Александр Романович заведовал этой кафедрой. Наверное, лучше кафедры я в жизни не видел. Это не кафедра была, это был блеск! И потом мы были в такой напряженной творческой работе, которая все время кипела. Товарищи много рассказывали об интересных исследованиях. Были какие-то, так сказать, ударные работы. Вдруг у Льва Семеновича возникает какая-то идея, неразрешенный вопрос, и все мы бросаемся, наваливаемся это сделать. Я помню, как сейчас, что эта идея опосредования, инструментальности у него была во главе. Откуда это орудие берется? Разные же взгляды были. И вот все мы сели на разном материале искать, смотреть, где изобретение такое будет. Мы мучились две недели. Я сам этого изобретения нигде не увидел, думаю, черт его знает, может быть, девчонки что-нибудь такое выудили. Смотрю, у них тоже носы опущены. Ну, значит, Лев Семенович и Александр Романович говорят: «Выкладывайте!» Ну, мы выкладываем постепенно и вроде как извиняемся, что не выполнили задание. И он вдруг говорит, что правильно — ребенок в основном не изобретает это орудие, он его усваивает. И мы должны строить эксперимент не так, чтобы ждать, когда его, понимаете, господь бог просветит, что там с инструментом делать, а давать ему и указывать, и смотреть, берет он или нет, и как берет.

Лидия Божович: Опять же подражание.

Александр Запорожец: Потом было индивидуальное какое-то задание. Как-то он меня вызывает и говорит, мол, что пишут о том, что стадии наблюдения, вначале перечисления объектов, а потом картинки, а потом действия, а потом отношения… И что ему это все как-то подозрительно.
В общем, говорит: пойди и посмотри, как это проявляется в разных формах, так, чтобы рассказал ребенок, как-то на предметах изобразил, проиграл в игре и так далее. Ну, я посмотрел, и действительно — получается все совершенно по-разному.
Но самое любопытное, что он все заранее знал. Вызывает потом, говорит — что получил? Вот теперь ты можешь, я тебе расскажу, что у тебя получилось. Понимаешь, да? А ты, мол, мне ответишь, так оно или нет. И совершенно точно мне рассказал, что должно было быть. Не заранее он мне сказал, чтобы меня, господи, не попутать, чтобы я смотрел на факты. Вот когда я собрал материалы — только тогда он точно рассказал, что было.

Александр Лурия: А конец этой истории был на моем диване! Я пригласил в гости Штерна[17] и Выготского. Сели они на диван, и Выготский за три минуты разрушил всю работу Штерна, которой тот посвятил 20 лет, сказав, что это вовсе не стадии восприятия, а стадии речи! Тот почесался и говорит: «Да, пожалуй, вы правы!»

Лидия Божович: Саша, а теперь расскажи обязательно, как мы мучились, когда сидит ребеночек за громадным столом — тут лежит

17 Уильям Штерн (1871–1938) — немецкий психолог и философ, считается одним из первых, кто ввел понятие дифференциальной психологии и психологии личности.

цель, которую он должен достать, тут ему кладут палку, а эти паршивцы, им уже, слава тебе господи, и по четыре года, и по пять лет, тянутся рукой, игнорируя совершенно палку! Обезьяна же делает! И тянется, и тянется на цыпочках, и подпрыгивает — не берет орудие! Ну и Александр Владимирович тогда уже раздражился и говорит: «Бери палку!». А он говорит: «Да палкой всякий дурак достанет!»...

Александр Лурия: Считает, что ему надо как-то по-особенному, иначе это дурацкая задача какая-то.

Александр Запорожец: Ну вот, действительно нам повезло, потому что мы окунулись в эту творческую работу под руководством Льва Семеновича, Александра Романовича. Алексей Николаевич включился в эту историю. Это, конечно, было большим счастьем. Что касается моей работы в это время, то что такое лаборант? Это «старший, куда пошлют». Все надо делать, таскать детей с улицы на эксперименты.

Майкл Коул: Прямо с улицы?

Александр Запорожец: Да, да.

Лидия Божович: Наши испытуемые были во дворе около дома, у нас же не было других.

Александр Запорожец: Один у меня был, метис, помнишь его? Мы его обожали. Он был страшно веселый мальчишка, но уличный и озорной, и сквернослов. Как-то Александр Романович говорит, что продемонстрирует диалог по Пиаже с ним перед студентами. Я его привел. Его спрашивают, что будет, если перелить [неразборчиво]. И он вдруг трехэтажным: «Что ты ко мне пристал? Растуда твою...» Александр Романович говорит: «Забирай его поскорее! С ним беды не оберешься!»

Александр Лурия: А помнишь это: «Я четыре не умею!»? Он считал кубики: «Раз, два, три, пять, шесть...» — «А четыре где?» — «А я четыре не умею».

Александр Запорожец: Ну, вот такая была веселая жизнь. Но, что касается экспериментальной работы, то еще завершались Александром Романовичем его работы по моторике, с этой сопряженной методикой, но уже вносились изменения, по-моему, под влиянием Льва Семеновича, о роли речи в организации этих самых движений. Потом мне пришла в голову идея, и Александр Романович отнесся к ней сочувственно. Это немножко касалось того, что Наталья Григорьевна делала по естественной истории знака. Это было связано с рисованием, из пиктограммы, так сказать, тоже пошло.

Когда мы под влиянием Льва Семеновича отказались от идеи изобретения знака, значит, собственно, тогда развил Лев Семенович вот это положение о том, что знак первоначального выступает как средство общения, как средство коммуникации, а затем интериоризируется, становится средством овладения материалом. Мне удалось уложить некоторые факты, что и в пределах этой коммуникации с рисунком происходят своеобразные сдвиги. Что первоначально рисунок, даже графическое изображение, выступает скорее не в сигнификативной функции, а в эмоционально-выразительной. А затем оно становится, так сказать, сигнификативным, обозначающим знаком. Вначале в какой-то образной форме, а затем приобретая более абстрактное значение. Тогда любопытная у меня была коллекция, вот даже Александр Романович привел в своей работе про аффекты, конфликт и волю маленький кусочек из лабораторных исследований. Например, ребенку говорили: «Нарисуй хорошую девочку. Она хорошая, маленькая», и тот рисует нежно так. Или говорили: «А нарисуй такого противного мальчишку», — и ребенок резко так замажет. Я еще использовал графический анализ этих вещей, получаются различия даже в нажимах. Если взять гаммаграмму, то можно очень даже себе представить, драматическая это сцена или лирическая. А постепенно, с возрастом, эти моменты исчезают, уходят на задний план, и мы выходим на собственно символические функции, на попытку соотнесения с объектом.

Ну вот, это, значит, одна линия исследования. А другая, которой занималась Роза Евгеньевна [Левина], это планирующая роль мышления и речи. Мы с Лидией, если ты помнишь, тоже этими вещами занимались, и даже сняли фильм, который, к сожалению, погиб.

Александр Лурия: Весь курс психологии шел под фильм, который мы сами делали.

Александр Запорожец: Да, да, сами делали, хотя и с той несовершенной техникой.

Лидия Божович: Речь и интеллект мы снимали.

Александр Запорожец: Да, да, вот планирующие функции речи, так, как ребенок решает задачи. Но там целый фильм был, специально посвященный маленьким ребятишкам, как они решают задачи типа келлеровской. И затем стимуляция речи путем введения собеседника, или когда взрослые начинают с ним разговаривать, стимулировать речь и выходы за пределы непосредственно воспринимаемой ситуации, как говорил Выготский, из перцептивного поля в смысловое.

Значит, в начале 30-х мы переехали в Харьков. Александр Романович, Алексей Николаевич, ну и Выготский первоначально, ну и с Лидией Ильиничной нас туда забрали, из такого более младшего поколения, что ли. Хотя возрастные различия не очень велики. Александр Романович на три года меня старше. Но он делом занимался с ранних лет, а я пока дошел до психологии… всякие другие у меня были увлечения.

Там началась другая немножко линия исследований. Собственно, у Льва Семеновича были общие указания на этот счет. Очень четкие, правда, например, в критике Пиаже. Лев Семенович приезжал в течение, по-моему, так лет полутора, что ли. И мы, по-моему, с Лидией Ильиничной даже ассистировали ему по детской психологии в Медико-педиатрическом институте. Но фактически он не принял там участия, и уже он плохо себя чувствовал, и семья не хотела переезжать. Сложилось так, что он не переехал. Александр Романович, Алексей Николаевич и мы вдвоем остались.

Но потом они постепенно все начали уезжать. В последние четыре года я один там остался. Александр Романович раньше уехал, потом, Лида, ты уехала, потом Алексей Николаевич. В общем, я один остался «на хозяйстве».

Да, так в чем эта новая линия? Она принципиально для истории отечественной психологии очень важная, потому что там, собственно, зарождалась идея деятельности и роли деятельности, в первую очередь практической, в психическом развитии ребенка и в психическом развитии вообще.

В этом плане шли исследования Лидии Божович, которая исследовала эти формы практической деятельности у ребенка, и как возникают эти обобщения.

Лидия Божович: Тоже ничего не опубликовано.

Александр Запорожец: Это очень интересные как раз работы. Они сыграли очень большую роль в нашем развитии. Потом моя работа про роль элементов практики и речи в умственном развитии ребенка на материале глухонемых детей, где я пытался показать, во-первых, что значит ход практической деятельности, практического опыта, на который Выготский указывал…

На этом моменте сохранившаяся запись интервью обрывается.

Комментарий Майкла Коула

Интервью до сих пор представляет интерес, потому что ранняя история Льва Выготского и его коллег все еще актуальна для понимания развития особого теоретического подхода к мировой психологии. В частности, интервью помогает прояснить некоторые вопросы о существовании «тройки» — тесной коллаборации Льва Выготского, Александра Лурии и Алексея Леонтьева — и ее расширенной версии, «пятерки».

По поводу «тройки». Кажется, на вопрос Мартинса: «Существовала ли “тройка”?” следует ответить «да». Она существовала во второй половине 1920-х. Интервьюируемые называют Леонтьева одним из трех своих наставников, хотя самым активным организатором группы был Александр Романович Лурия — по его собственному рассказу (Luria, 1979).

Что касается «пятерки», то, судя по рассказам опрошенных, мало сомнений в том, что она действительно существовала. Александр Запорожец прямо отсылает к этой группе, и слова интервьюируемых подчеркивают их взаимную вовлеченность в работу.
Одним из спорных вопросов в исследованиях развития культурно-исторической психологии

является та степень, в которой Лев Выготский теоретизировал концепцию деятельности, впоследствии занявшую центральное место в подходе Леонтьева. Здесь можно отметить комментарий Даниила Эльконина о том, что экспериментальная работа по изучению роли различных видов развивающей деятельности началась примерно в 1931 году, что также отмечено Александром Запорожцем и Лидией Божович. Внимание группы было занято игровой и практической деятельностью, а также имитацией их взаимосвязи. В этом контексте интересно, что в 1937 году Алексей Леонтьев приехал в Ленинград, где Даниил Эльконин продолжал работу над развитием игровой деятельности, в то время как в 1936-м Центральный комитет ВКП(б) принял резолюцию «О педологических извращениях в системе наркомпросов», за которой последовали более 20 лет репрессий в отношении вдохновленных идеями Выготского публикаций. А вот Александр Лурия предпочитал держаться в стороне, сосредоточившись на медицинском образовании и получении докторской степени в Грузии, вдали от угрожающих жизни политических потрясений в Москве.

Еще интересные моменты в интервью. Прежде всего, это предположение, что концепция зоны ближайшего развития (ЗБР) могла родиться не только у Льва Выготского. «Пятерка» обсуждает некоего итальянского автора, чьи работы Лев Выготский читал, и предполагает, что он мог заимствовать свою фундаментальную концепцию.

Второй интересный момент — это влияние Льва Выготского и Александра Лурии на Сергея Эйзенштейна, подтверждающее существование коллаборации, которая обсуждалась Булгаковой (2014) и Васильевой (2019).

Лев Выготский, Александр Лурия и Сергей Эйзенштейн встретились в 1925-м, и после смерти Выготского в 1934-м Лурия поддерживал близкие отношения с Эйзенштейном до смерти последнего в 1948 году. Мозг Эйзенштейна, сохраненный в формальдегиде, находился на рабочем столе у Лурии. Судя по заявлениям о том, кто на кого влиял, кажется возможным, что все трое влияли друг на друга взаимно.

Наконец, Александр Лурия говорит, что интеллектуальное путешествие Выготского началось и закончилось Спинозой, — вопрос, часто поднимаемый в дискуссиях о развитии фокусировки Льва Выготского на сознании в его последние годы. Это влияние Спинозы знаменует отход от Алексея Леонтьева, который позднее отдавал приоритет концепции деятельности. Длительное влияние этого отхода подкрепляется тем, что Алексея Леонтьева не было среди участников интервью в тот день в доме Александра Лурии. Вместо этого он принес извинения и пригласил Майкла к себе на ужин.

В конце концов, мы хотим прокомментировать атмосферу встречи. Отчетливое чувство товарищества, к которому Майкл имел шанс приобщиться лично — что также есть на аудиозаписи, — было создано общей целью этой исследовательской группы в поздние 1920-е. В «пятерке» чувствуется дух товарищества. Харизма и визионерство Льва Выготского служили притягивающей силой, вдохновляющей и заряжающей группу молодых ученых. Они были связаны общей целью: понять и изменить науку психологию. Александр Лурия, часто упоминаемый в интервью как лидер группы, способствовал созданию сплоченного, интеллектуально оживленного коллектива, собирая всех вместе даже после смерти Льва Выготского. Тепло и юмор во время интервью показывают, что они оставались друзьями и коллегами-первопроходцами даже в самые сложные времена.

Источник: https://culturalpraxis.net/the-pyatorka-an-interview-with-several-of-its-members/

References

Bulgakowa, O. (2014). From expressive movement to the «basic problem»: The Vygotsky-Luria-Eisensteinian theory of art. *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology* (pp. 423–448). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781139028097.024

Luria, A. R. (1979). *The making of mind.* Harvard University Press.

Martins, J. B. (2013). Notes on the relationship between Vygotsky and Leontiev: The «troika», did it ever exist? *Dubna Psychological Journal*, 1, 84–94.

Valsinar, J., van der Veer, R. (2014). Encountering the border: Vygotsky's zona blizhaishego razvitia and its implications for theories of development. *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology* (pp. 148–176). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781139028097.009

Vassilieva, J. (2019). The Eisenstein-Vygotsky-Luria collaboration. *Projections: The Journal for Movies and Mind, 13*(1), 23–44. https://doi.org/10.3167/proj.2019.130103

Yasnitsky, A. (2011). Vygotsky Circle as a Personal Network of Scholars: Restoring Connections Between People and Ideas. *Integrative Psychological Behavior*, 45, 422–457. https://doi.org/10.1007/s12124–011–9168–5

Lev Vygotsky's Pyatorka: An Interview with several of its members

Michael D. Cole
The University of California, San Diego, La Jolla, CA, US

Natalia Gajdamashko
Simon Fraser University, Canada

AUTHORS Michael D. Cole, PhD in Psychological Sciences, Professor, The University of California, San Diego: La Jolla, CA, US, https://orcid.org/0000-0003-3055-8593, e-mail: mcole@ucsd.edu; Natalia Gajdamaschko, PhD in Psychological Sciences, Teaching Professor, Simon Fraser University, Canada, e-mail: natalia_gajdamaschko@sfu.ca.

TO CITE Cole, M., Gajdamaschko, N. (2025). Lev Vygotky's Pyatorka: An Interview with several of its members. *Educational Policy*, 20(1), 88–102.

© Cole M., Gajdamaschko N., 2025

Received: 10.01.2025
Accepted: 20.01.2025
Date of publication: 31.05.2025